

НАВСТРЕЧУ КИНОФЕСТИВАЛЮ И КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

СЛОВО — ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА МИР, ПРОГРЕСС, СВОБОДУ

☆☆☆

ВАЛЛАТХОЛ

Седьмое ноября

Седьмое ноября семнадцатого года!
 Вот день, когда он начался,
 великий
 Неудержимый ураган, который
 Дул десять дней, потрясших
 мир,
 Который прочь унес России горе,
 Несправедливость, нищету
 и зло.
 Да славятся прекрасный этот
 праздник,
 День памятный, когда взял
 власть стран!
 Пусть угнетатели всех стран
 клеветуют,
 Что флаг России красен оттого,
 Что окунали в кровь его —
 неправда!
 России флаг пылает, как заря,
 Для всех униженных простых
 людей,
 Для всех, глядящих на него
 из мрака.
 И разве трептание его
 Не прекратило страшную войну?
 Мир заключил с Германией,
 ты спас
 От гибели любовь и дружбу
 Народов разных стран.
 Вся грязь и нахлеб
 Должна быть смыта только
 кровью тех,
 Кто стронуть смел свое
 благополучье
 На горестях народа.
 Это полях
 Тот, кто умеет видеть правду...
 Будь вечно славен, о прекрасный
 праздник,
 День памятный, когда взял
 власть народ!

Перевод с малайя.

СТО ЦВЕТОВ КИТАЙСКОГО ЭКРАНА

20 августа в ташкентских кинотеатрах состоялись первые сеансы фестиваля кинофильмов стран Азии и Африки. С большим интересом ждем мы на этом крупном международном смотре встречи с кинематографистами Китайской Народной Республики.

Производство фильмов началось в Китае сорок лет назад. Но долгие годы эта область была на откупе у мелких, незыскательных коммерсантов, развалившихся на худшие голливудские образцы. Немалое место занимала на китайских экранах и продукция самого Голливуда.

В 1932 году деятели левого крыла в искусстве, руководимые компартией, принесли в кино новые идеи и темы. Был создан ряд интересных фильмов — «Большой путь», «Песня рыбаков». Но этот процесс обновления был заторможен войной, а затем и реакцией гоминдановского режима.

И только в 1949 году — в весну освобождения великого народа — началась и настоящая весна китайского кино. Самое массовое из искусств обрело подлинно массовую аудиторию. 45 миллионов посетителей кино в 1949 году, 1 миллиард 400 миллионов в 1956 году — таков рост.

Сейчас в Китае работает 9 крупных киностудий, не считая частных и смешанных предприятий. Пекинский институт киноискусства выпускает ежегодно около ста специалистов. Непрерывно растет сеть кинотеатров, расширяется индустрия самого массового из искусств. Так, в Гуанчжоу быстрыми темпами сооружается студия по выпуску широкоэкранных цветных фильмов, в Пекине — крупная копировальная фабрика и т. д.

Но главное, конечно, — это открытие огромного нового мира идей, героев, тем в китайском кино, становление в нем искусства социалистического реализма. Признание влияние, которое оказали на этом пути на молодых кинематографистов Китая деятели советского кино.

Влияние это выразилось не только в обращении китайцев к опыту нашего искусства, но и в плодотворнейшей практике совместных постановок. К ним принадлежат крупные документальные фильмы «Победа китайского народа», «Освобожденный Китай». Талантливый кинооператор Чу Цзин-мин участвовал в съемках советского широкоэкранного фильма «Няня Муромец». Ныне Чу Цзин-мин снимает первый китайский широкоэкранный фильм «Воскресший день в Пекине». Большая совместная работа — съемки фильма «Алма-Ата — Ланчжоу» о «Дороге дружбы» — идет сейчас.

«Китайская кинематография, — пишет кинодраматург Цай Чу-шань, — учится у блестящей советской кинематографии. После создания нового Китая помощь и воспитание кинооператора Чжу Цзин-мина участвовал в съемках советского широкоэкранного фильма «Няня Муромец». Ныне Чу Цзин-мин снимает первый китайский широкоэкранный фильм «Воскресший день в Пекине». Большая совместная работа — съемки фильма «Алма-Ата — Ланчжоу» о «Дороге дружбы» — идет сейчас.

«Китайская кинематография, — пишет кинодраматург Цай Чу-шань, — учится у блестящей советской кинематографии. После создания нового Китая помощь и воспитание кинооператора Чжу Цзин-мина участвовал в съемках советского широкоэкранного фильма «Няня Муромец». Ныне Чу Цзин-мин снимает первый китайский широкоэкранный фильм «Воскресший день в Пекине». Большая совместная работа — съемки фильма «Алма-Ата — Ланчжоу» о «Дороге дружбы» — идет сейчас.

«Китайская кинематография, — пишет кинодраматург Цай Чу-шань, — учится у блестящей советской кинематографии. После создания нового Китая помощь и воспитание кинооператора Чжу Цзин-мина участвовал в съемках советского широкоэкранного фильма «Няня Муромец». Ныне Чу Цзин-мин снимает первый китайский широкоэкранный фильм «Воскресший день в Пекине». Большая совместная работа — съемки фильма «Алма-Ата — Ланчжоу» о «Дороге дружбы» — идет сейчас.

На снимке: кадр из фильма «Семья».

Ждем встречи в Ташкенте

ГО МО-ЖО

Есть что посмотреть в гостеприимной Советской Азии

Известный китайский ученый и писатель Го Мо-жо в разговоре о предстоящей конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте заявил корреспонденту «Литературной газеты»:

— После Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки, в которой мне довелось участвовать, созыв конференции писателей этих стран в Ташкенте будет выдающимся событием в международной жизни. Конференция в Каире показала, что народы Азии и Африки объединяет ныне одно великое общее дело борьбы с империализмом и колониализмом за национальную независимость и прогресс, за мир между всеми народами.

Прогрессивная литература, — продолжал Го Мо-жо, — могучее средство духовного общения и сближения народов. Постоянный и непосредственный контакт писателей различных стран, дружеский обмен мнениями, замыслами, творческим опытом между ними — все это в огромной степени способствует укреплению сплоченности и взаимопонимания между народами.

Китайский писатель подчеркнул: — Особое значение имеет тот факт, что конференция создается в Советском Союзе, именно в одной из советских республик Средней Азии — социалистическом Узбекистане, который соседствует с многими странами Азии. Советский Союз снискал горячую любовь и доверие миллионов простых людей в странах Востока. Представители этих народов, участники конференции писателей в Ташкенте, смогут собственными глазами увидеть, как в Советской Азии, в среднеазиатских

социалистических республиках освобожденные народы строят ныне свое счастье и уже добились невиданно высокого уровня народного благосостояния. Писателям, участникам конференции в

Ташкенте, будет что посмотреть в гостеприимной Советской Азии, будет что рассказать своим народам о жизни этих республик.

Китайские писатели, вся большая армия работников литературы и искусства Китая — страны, переживающей ныне самый величайший период своей истории, с большим воодушевлением и интересом готовятся к участию в замечательной встрече писателей Азии и Африки в солнечном Узбекистане.

КАРА СЕНТЛЕВ

Писательский Бандунг

Каким могучим весенним половом развилась в последние годы героическая борьба народов колониальных стран за свою свободу и национальную независимость! С каждым днем все меньше шансов у империалистов Америки и Европы сохранить свое господство в этих странах. Мы живем в эпоху гибели самой идеи колониализма, и это с особой силой продемонстрирова-

Крылатая мудрость

КИТАИ

Без иглы не продерешь нитки.
 Любящий богатство не заботится о чести.
 В бумагу огонь не завернешь.
 Большой кусок застревает в горле.
 Не бойся продвигаться медленно, бойся стоять на месте.
 Умный человек не тратит много слов.
 Берегущий лепешку всегда хочет есть.
 У хвастливого врача нет хорошего лекарства.
 Когда бьет осла, лошадь тоже боится.
 Гора, на которую взобрался, кажется выше других.
 Недочитанная книга — не до конца пройденный путь.
 Волосатый повар боится сильного огня.
 Цветок не распускается — плод не завяжется.
 Собака, которая кусает, не скалит зубы.
 Хорошие всходы — хороший рис, хорошая мать — хорошая дочь.
 Где один человек погибнет, двое выживут.

НАРОД ДУАЛА (Французский Камерун)

Молодой ручеек, отказавшись прислушаться к добрым советам, теряется в извилинах.
 Птица, которая любит судачить о чужих гнездах, забывает жить свое.
 «И у меня будут лапы, когда я вырасту», — высокомерно заявил сороконожке юный змееныш. Он вырос, постарел, да так без лап и остался.
 Маленькая собачка терпит трудности и невзгоды, чтобы добыть себе пропитание. Человек не может добиться желанной цели, не преодолев прешатствия.
 «Я оплавиваю жизнь, а не свои красивые перья», — сказал петух, когда попал в руки повара.
 Никто еще не возвращался из поездки, которую не совершал.
 Мышь, как она ни мала, все же не рабыня слона.
 Кто каждый день ест сочное мясо, тот о мясе не вспоминает; тот, кому достается лишь обглоданные кости, помнит каждую косточку.

Сахиб ДЖАМАЛ

Она ждала мальчика

Жизненный путь автора этого рассказа необычен. Детство и юность его прошли в скитаниях. Не раз убежал мальчик от жестоких хозяев, от лицемерных английских миссионеров. Сахиб Джамал побывал в Индии, Ливане, Сирии, Турции. Сквозь годы он пронес мечту о далекой стране Советов, о которой узнал из листовок, распространяемых борцами за свободу. Он все-таки нашел эту страну, и Советский Союз стал настоящей Родиной для юноши-араба. Здесь он получил высшее образование, стал писателем.

Рассказ Сахиба Джамала «Она ждала мальчика» печатается впервые.

Цехи хлопкоочистительного завода в Багдаде огромны. С зарпи до темноты грохочут барабаны, хлопают приводные ремни. Женщины, мужчины, подростки, худые, изможденные, суетятся, корчат белым пушистым хлопком прожорливые машины. Среди них, смуглая, как грачонок, работает Рейхан.

Но теперь Рейхан не прекивая — веселая и беспечная, как сама весна. Сегодня ей особенно тяжело. Она пробовала подбодрить себя, запеть. Не песня — стон срывается с распухших губ молодой женщины. Порой ей кажется, что она вот-вот упадет, рухнет на цементный пол, эти чудовищные железные громады смнут ее и уничтожат вместе с ней новый, зародившийся росток жизни. Нет, этого нельзя допустить, — ребенок должен жить! Острая боль пронзала тело. На мигновение все куда-то исчезло, провалилось, губы, запекшиеся

алым бутонем, широко раскрылись, но невидимая рука страха зажала ей рот. Вместо того, чтобы крикнуть, Рейхан до крови прикусила губу.

Язычелела голова, руки не повиновались, дрожали колени. Рейхан находила еще силы держаться на ногах. Страх перед пологом, нуждой приказывал ей работать, двигаться, терпеть. И Рейхан двигалась: то очищала барабаны, то собирала с пола упавший хлопок, то наполняла ненастные пласти машины, которые снова и снова требовали пищи. Превозможная боль, она опять попробовала запеть.

Нет, она не может петь. В горле пересохло. Слово нежная и растерялись губы. Где взять воды? Во дворе? Но поспешно отлучиться! Лицо и руки покрыты тонким слоем пыли. Она набилась в нос, в уши, рот. Вспотевшее тело впитывает ее через платье... От пыли

Рейхан выпрыгнула, словно от удара, и медленно побрела на свое место. Казалось, что нет больше сил, и она вот-вот разрыдается.

Надсмотрщик подошел к ней, постом, посмотрел...

Нет, ей не двадцать лет, а в два раза больше! Керим не узнал бы сейчас свою Рейхан. — подумал си. Шейки ввалились, вокруг глаз черные круги, копа когда-то кудрявых волос превратилась в придуренный парик из пакли.

— Еще бусы носишь? — с прощлой сказал надсмотрщик. — Взгляни на себя...

Рейхан нежно погладила бусы. Это свадебный подарок Керима. Он одел, он и снимет их.

«О, аллах, скорее отпустили бы ее Керима». Мысли о любимом ее словно огнем охватили.

Гудят моторы, стучат крышки, все вокруг трясется, и никому нет дела до Рейхан. Кружатся голова, неудержимо тянет к себе цементный пол, но ради ребенка надо вытерпеть все! Это дитя ее Керима...

Керим строен, как кипарис, по-прежнему, как ветер. Его большие, открытые глаза светятся добротой. Но порою они бывают такими же гневными, как сама ярость. О, как они искрились, когда Керим говорил с управляющим — словно лезвие дамасской сабли под солнцем! А какими глазами эти были кривыми, печальными, озлобленными, когда они прощались, когда его вели в тюрьму. И за что? За белых голубей, выпущенных на волю в день открытия Московского фестиваля... За то, что он требовал, чтоб в цехах была вода для рабочих, вентиляция... За то, что он клеил на вилу... этих янки, которые хозяйничают на его земле...

Едва Рейхан с Керимом поженились — и уже узнали горечь разлуки! Люди, люди, знал бы вы, как ногами она ходила к каземату и сидела до утра, глядя на высокие стены, на железные ворота, за которыми держат ее Керима. Каких только песен она не пела, чтобы услышал ее любимый! Сколько унижений, оскорблений, насмешек она вытерпела от надсмотрщика, от недобрых людей!

Одно только утешение: под сердцем живет, дышит ее крошка. Он будет весь в отпа, с такими же глазами, как черная машина. О, Керим, любимый, единственный!

— Сакина! Сакина! Ты в дружбе с надсмотрщиком, оторвись на

